

СЕВЕРНАЯ ОДИССЕЯ,

или ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЛЕЙТЕНАНТА СЕДОВА

...Однажды на мысе Аук острова Рудольфа, самого северного острова Земли Франца-Иосифа, среди обледенелых камней нашли деревянный шест с заостренным концом и медной муфтой, на которой сохранилась гравировка: «Sedov. Pol. Exped. 1912». Это был флажок, который намеревался установить на «макушке» нашей планеты начальник экспедиции к Северному полюсу, старший лейтенант российского флота Г. Я. Седов...

Тогда появилась другая, не менее «научно обоснованная» теория, выдвинутая английским мореходом Скоресби-младшим. Он утверждал, что верхушка земного шара окружена гладкими и неподвижными ледяными полями, по которым чуть ли не с комфортом можно двигаться к цели. Однако уже в 1827 году экспедиция англичанина Эдуарда Парри убедилась в обратном. Бесчисленные торосы чрезвычайно затрудняли передвижение, и за 35 дней похода исследователи достигли лишь 82°41' северной широты.

А ведь резный путь к полюсу обсуждался еще за десять лет до путешествия Парри. В 1818 году русские ученые обратились к архангельским промышленникам с рядом вопросов о наиболее эффективных способах передвижения в условиях Севера. И единственным из всех возможных был назван традиционный — на ездовых собаках.

Во второй половине XIX века мечты о легком торгосом пути в страны Востока по арктическому океану развеялись, но тут же на смену им пришел нарастающий ажиотаж вокруг идеи завоевания полюса. В 1868 году на небольшой яхте «Германия» ушла на север экспедиция Карла Кольдевея. Как ни странно, но и этот поход совершался в расчете на пресловутое, «свободное ото льдов море». Естественно, встретив первые же сплошные льды, яхта была вынуждена вернуться.

Через год Кольдевей отправился в новое путешествие к полюсу — на этот раз на специально построенном пароходе. Экспедиции было придано и парусное судно. Но буквально в десятке километров от Гренландии парусник раздавило льдами, а пароход после зимовки возвратился в Германию.

Аналогичная экспедиция отправилась на судне «Полярис» и из Североамериканских Соединенных Штатов. Ей уда-

лось подняться лишь до 82° северной широты.

В 1875 году штурм полюса организовали англичане. Это был тщательно подготовленный поход, который обошелся, пожалуй, дороже, чем все другие. Британцы отправились на двух судах от берегов Гренландии, однако пробиться не удалось и им. На этом основании один из руководителей экспедиции капитан Нэрс сделал вывод, что Северный полюс вообще недостижим.

К концу XIX века возникает совершенно новая идея покорения полюса — вместе с дрейфующими льдами. Ее автором, неистовым поборником, а затем и исполнителем оказался знаменитый норвежский путешественник Фритюф Нансен. Кстати, в отличие от многих «рекордсменов» Нансен не ставил обязательной задачей водрузить флаг на самом полюсе, а стремился исследовать окружающие его неизученные области. Экспедиция на «Фраме» — широко известном судне Нансена — позволила подняться в трехлетнем дрейфе до 85°56' северной широты. Правда, добраться до полюса в пешем походе не удалось.

В 1898 году в борьбу за покорение Северного полюса включается американец Роберт Пири. Он делает четыре отчаянных броска. Увы, человечество ничего не получило от последней экспедиции Пири 1909 года, ничего, кроме самого факта достижения точки, в которой сходятся все меридианы. Да и то, как потом выяснилось, место, принятое Пири за полюс, отстояло от него по меньшей мере на 167 километров.

Кстати, заявка американца на приоритет была омрачена небывалым скандалом. Доктор Фредерик Кук заявил, что открыл полюс на два месяца раньше. В дальнейшем выяснилось, что Кук и сопровождавшие его эскимосы действительно покинули побережье и направились к полюсу. Но не прошли путешес-

Штурм полюса

Первые в истории походы к Северному полюсу имели вполне конкретную цель: разработку северного маршрута из Атлантического в Тихий океан. Принципиальная возможность такого пути, казалось, подтверждалась научными разработками географов того времени. Они утверждали, что ледяные поля рбслагаются лишь в достаточно низких широтах, а стоит пересечь параллели Гренландии или Шпицбергена, и откроются просторы арктического океана...

Гипотеза о свободном от льдов море в центре Арктики держалась на удивление долго. Лишь в начале XIX века исследователи убедились: попытка пробиться к самому полюсу на судах — дело безнадежное.

венники и десятка миль, как Кук распорядился построить на льду снежную хижину, увенчал ее американским флагом, сфотографировал. Мошенника разоблачили эскизами, узнавшие изображение на фотографии в книге Кука с подписью «На полюсе».

В обстановке суматошной борьбы за честь значиться покорителем Северного полюса лишь Россия, имевшая все основания считать Ледовитый океан как бы внутренним русским морем, оставалась до поры сторонним наблюдателем. Между тем и опыта освоения арктических областей ей было не занимать, и прав на северные моря, острова и архипелаги у нее было не меньше... 19 марта 1912 года было опубликовано открытое письмо офицера Главного гидрографического управления морского министерства капитана Г. Я. Седова с призывом организовать русскую научную экспедицию на полюс. «Русский народ должен принести на это национальное дело небольшие деньги, а я приношу жизнь», — писал в своем обращении Седов.

Имя Г. Я. Седова в то время уже хорошо знала научная общественность России. На его счету было блестящее исследование Колымы, о котором газеты того времени печатали многочисленные заметки, конференция Академии наук адресовала ему благодарственное письмо за собранные там научные коллекции. Астрономическое и Географическое императорские общества приняли его в число своих действительных членов. Получил Седов за экспедицию и повышение в чине — штаб-капитана произвели в капитаны по Адмиралтейству.

Университеты Егора Седова

Родился Седов в Приазовье, на хуторе Кризая Коса, в семье рыбака. С восьми лет начал трудиться, а в одиннадцать уже ходил на шаланде в море — помогал отцу в промысле.

Тяга к знаниям обнаружилась у мальчика рано, однако поступить в приходскую школу ему удалось лишь в четырнадцать лет. За два года усвоил Егор Седов курс трехклассной школы, и на этом его учение закончилось — нужно было работать. Егора берут в торговый склад местного помещика — он катает бочки, чинит сети и паруса, переносит мешки с солью. Именно в это время у юноши появляются тяга к книгам. Они открывали перед ним совершенно иной мир — мир путешествий, приключений, открытий...

В семнадцать Егор ушел из дома и вскоре оказался в Ростове-на-Дону, где находились так называемые «Мореходные классы». Директор сочувственно отнесся к просьбам Седова и согласился зачислить его, но лишь при условии, что юноша приобретет полуторогодичный стаж плавания на парусном судне.

Судьба улыбнулась молодому человеку — в 1875 году, после того, как он проплавал на парусном боте две навигации, его приняли в мореходные классы. Трудным оказалось учение — особенно для тех, у кого, как и у Егора, было лишь свидетельство об окончании церковноприходской школы. Лишь за первый год, а точнее — за восемь месяцев, ученики должны были усвоить полный курс математики почти по гимназической программе, русскую грамматику, английский язык, географию...

Три года длилось учение, больше напоминающее бешеную гонку, и весной 1898 года Георгий Седов получает диплом штурмана дальнего плавания. Тем не менее ему приходится служить в должности второго помощника капитана на пароходе «Труд», возившем керосин из Батума в Ростов, Феодосию и Евпаторию.

Но такая служба не по душе молодому штурману, и он идет в морской флот — на первых порах вольноопределяющимся. Вскоре Седова назначают на учебное судно, и через три месяца он легко сдает экзамены на прапорщика запаса флота.

Как случилось, что вскоре простого прапорщика допустили к сдаче экстерном экзаменов за полный курс морского корпуса? Утверждают, что главную роль при этом сыграл один из его экзаменаторов. Незаурядные способности и глубокие знания молодого моряка произвели впечатление, и в итоге у Седова оказалось рекомендательное письмо к гидрографу генералу Дриженко...

Осенью 1901 года Седова производят в поручики запаса флота по морской части. Настоячивость Георгия, казалось, не знала границ, и судьба по-прежнему благоволила ему — уже весной 1902 года его определили в службу с зачислением по Адмиралтейству. Заветная мечта — чась — он стал кадровым морским офицером. А буквально через несколько дней поручик Седов отправился к месту службы — в Архангельск, где на судне «Пахтусов» его ждало место помощника начальника гидрографической экспедиции.

В 1904 году началась война с Японией. Седов изъявляет желание отправиться на Дальний Восток и получает назначение на Амурскую речную флотилию, в соединении номерных миноносек. И хотя принять участие в боевых действиях ему практически не удалось, к концу войны он уже стал командиром миноноски № 48.

После окончания войны с Японией Седов еще два года оставался на Дальнем Востоке — в должности помощника распорядителя работ по постановке вех и бакенов в Тихом океане. И вот наконец первое большое самостоятельное задание: в марте 1909 года Главное гидрографическое управление Морского министерства командировало штаб-капитана Г. Я. Седова на Колыму.

Знакомась с отчетами колымской экспедиции, можно только поразиться настоящести и научной добросовестности ее начальника. Многого было сделано за недолгое полярное лето. Исследован морской бар близ устья Колымы. Выполнены промеры устья реки. Определены координаты речного бара, найден удобный фарватер. Сделаны промеры и проведена съемка ре-

ки от Шалауровского рейда до Нижнеколымска.

«...Исследование устья Колымы и выяснение возможности, таким образом, плавания морских судов через бар в реку до Нижнеколымска, — писал Седов, — могут безусловно сделать перелом в жизни Колымского края...»

Возвращение экспедиции можно назвать триумфальным. Георгий Седова хвалило его непосредственное начальство, весьма одобрительно отозвался о деятельности штаб-капитана и глава российской гидрографии А. И. Вилькицкий.

Вскоре последовало повышение в чине, а следовательно, в дальнейшем возможность получить более самостоятельные и интересные работы.

И вот новая экспедиция — на Новую Землю. Все лето 1910 года провел Седов на Крестовой губе, составляя карту этого сурового района, изучая гидрографические особенности и устанавливая мореходные знаки. После возвращения с Севера окончательно сформировалась мысль о походе к полюсу.

Весной 1911 года капитан подает рапорт на имя начальника Главного гидрографического управления, в котором обосновывает необходимость изучения самых высоких широт и достижения самого полюса.

Полярная экспедиция

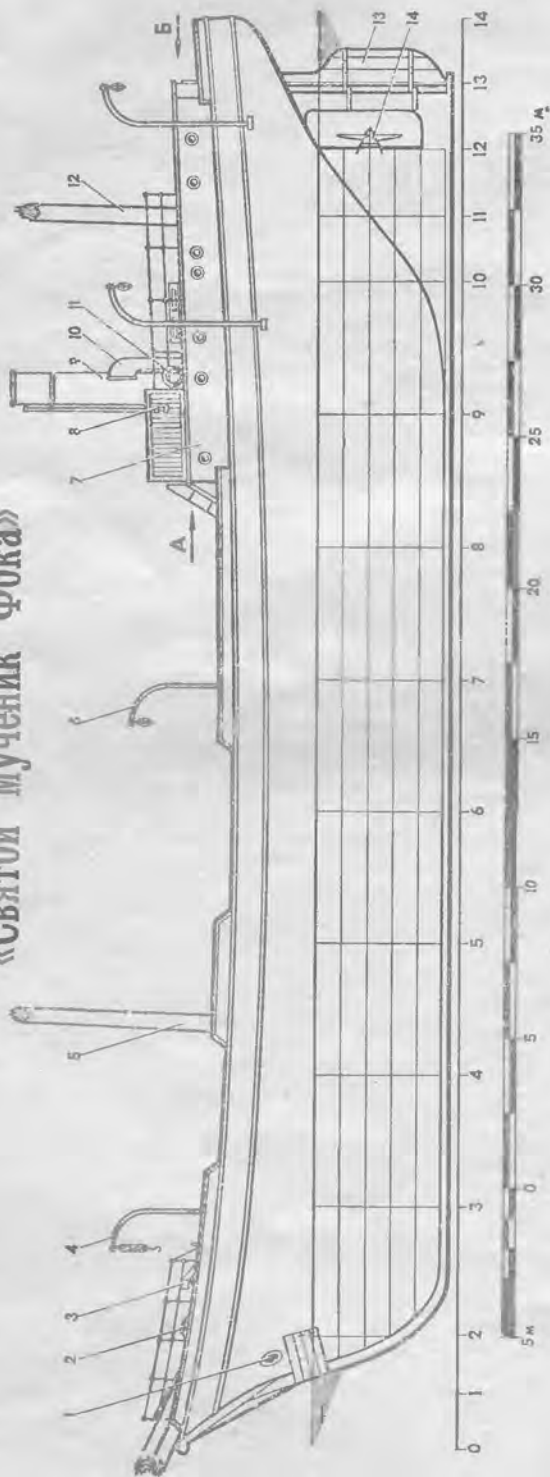
«Ни да ни нет» — такова была позиция и Главного гидрографического управления, и Морского министерства. И лишь вмешательство научной общественности сделало возможным организацию комитета для снаряжения экспедиции. Появились наконец средства, появилась и возможность начать практическую подготовку к этому сложнейшему путешествию. Ну а Морское министерство смогло лишь произвести Г. Я. Седова в связи с предстоящим предприятием в чин старшего лейтенанта флота, что соответствовало званию капитана по Адмиралтейству.

В конце июля все участники экспедиции собрались в Архангельске. Именно здесь Седов впервые увидел будущее экспедиционное парусно-паровое судно «Святой мученик Фока», арендованное у местного зверопромышленника Дикина. Капитану шхуна понравилась: внешне неказистая, она тем не менее была прекрасно приспособлена к плаваниям в условиях полярных морей.

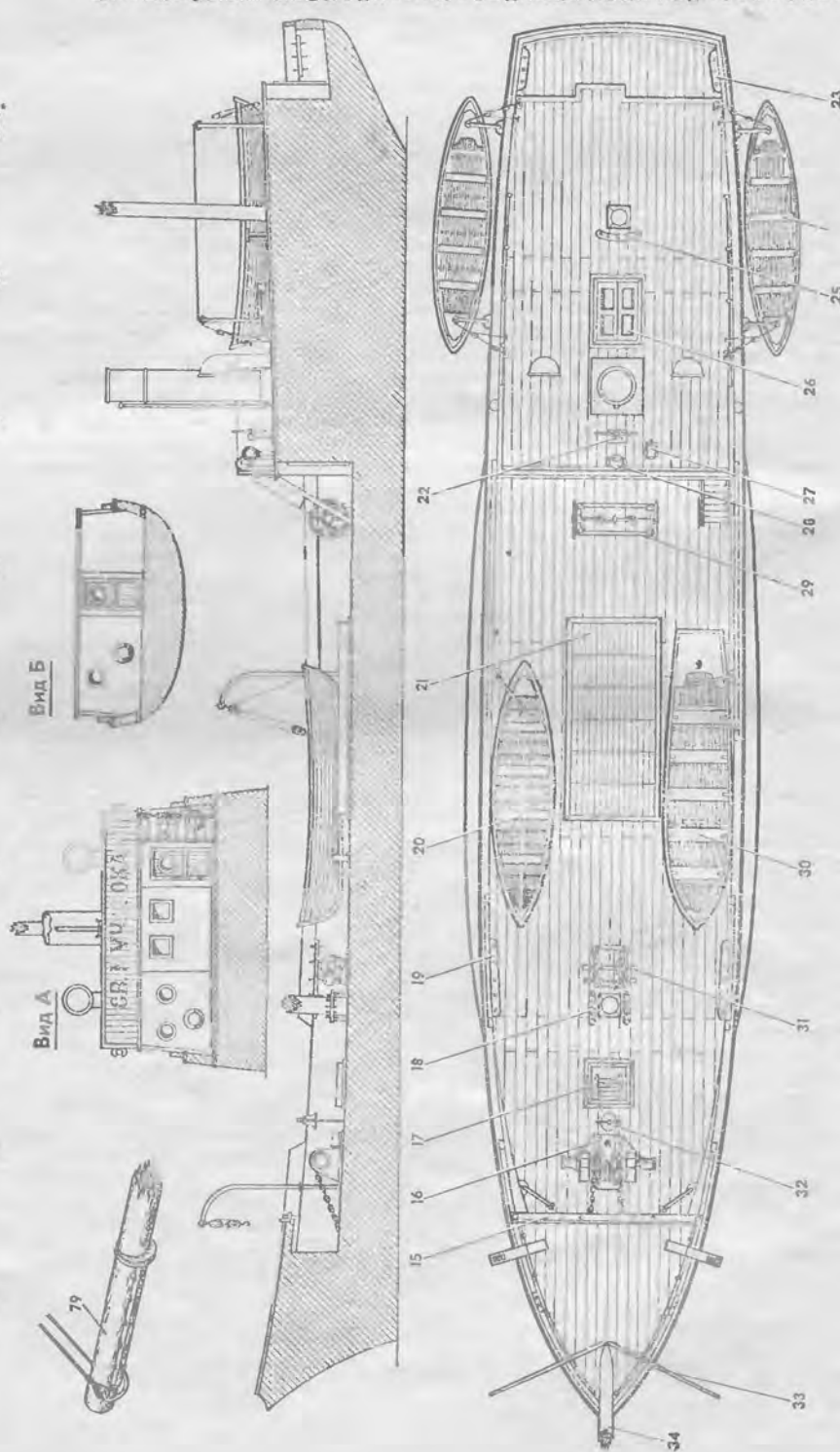
Построенное еще в 1870 году в Норвегии судно предназначалось для морского промысла в Ледовитом океане. При спуске на воду оно получило название «Гейзер» и под этим именем плавало вплоть до 1890 года, а затем было куплено мезенскими зверопромышленниками братьями Юрьевыми и стало именоваться «Святой мученик Фока». В 1909 году «Фока» принадлежал Мурманской научно-промысловой экспедиции, а затем был откуплен зверопромышленником Дикиным.

Парусно-паровая двухмачтовая шхуна имела мощный набор из дубовых бру-

«Святой мученик Фока»

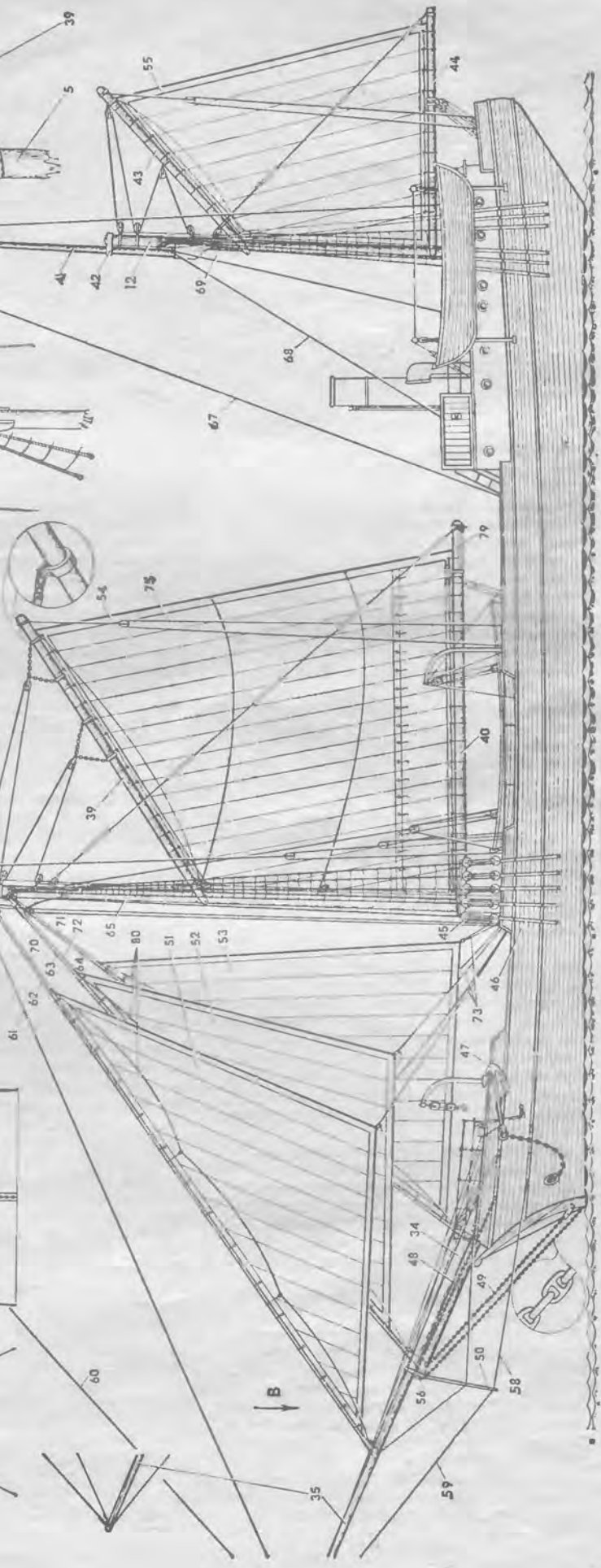
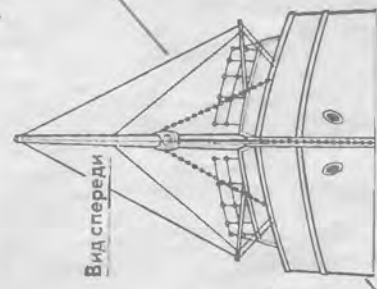
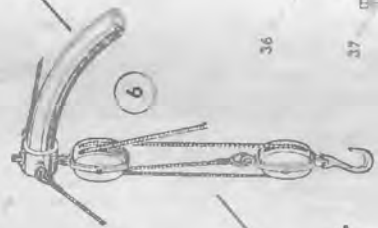
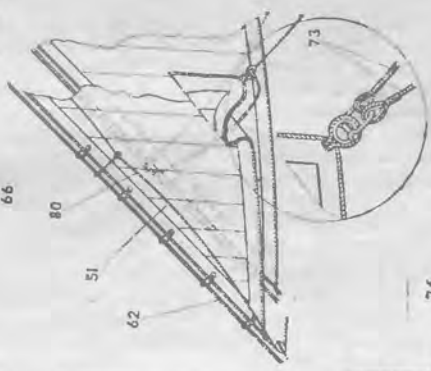
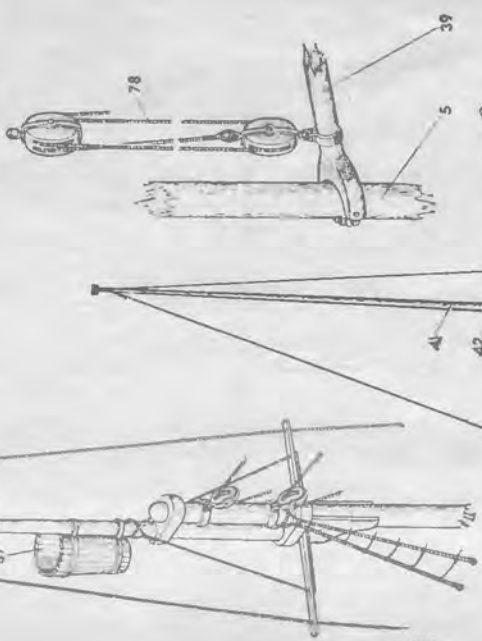
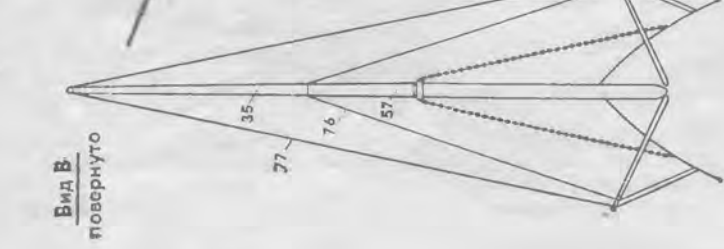
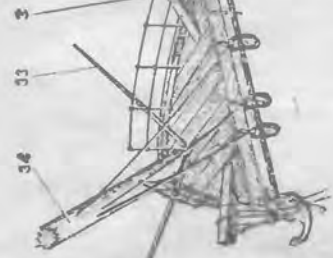
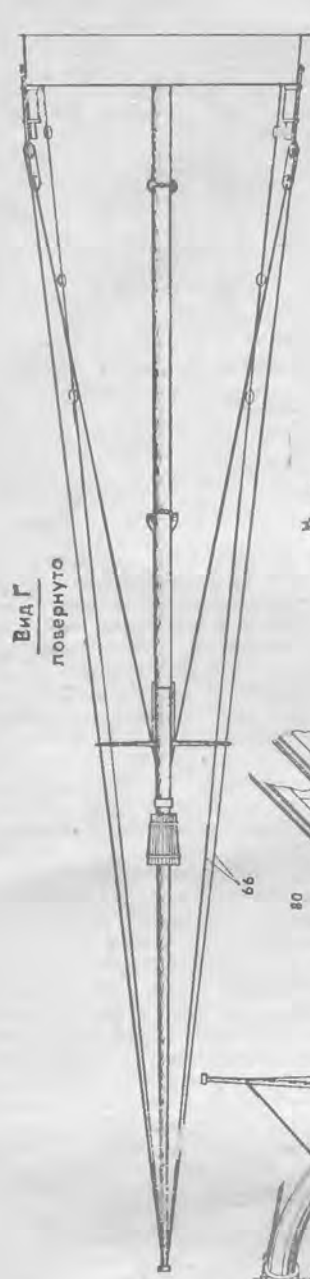

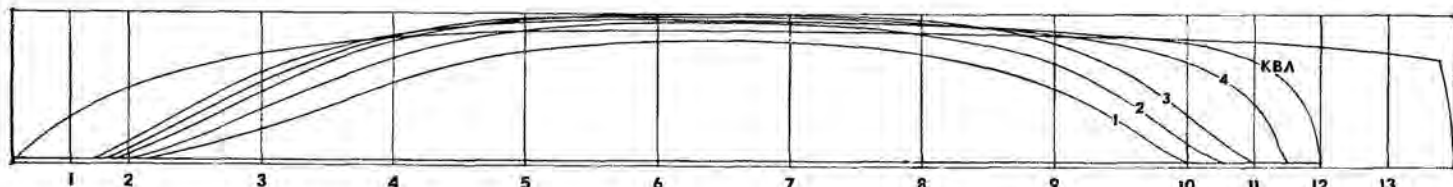
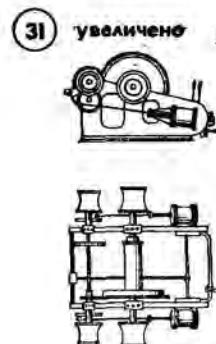
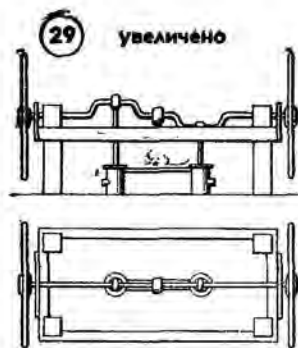
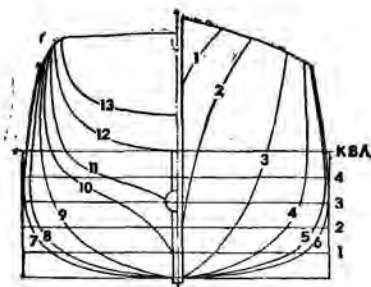
Чертежи выполнены
А. Пешковым
по разработке А. Жигальского.

Двухмачтовая паровая шхуна «Святой мученик Фока»:
 1 — якорный кляз, 2 — киповая планка, 3 — крымбол, 4 — кат-балка, 5 — фок-мачта, 6 — шлюп-балка, 7 — рубка, 8 — отличительный бортовой огонь, 9 — дымовая труба, 10 — вентиляционная труба, 11 — спасательный круг, 12 — бизань-мачта, 13 — перо руля, 14 — винт, 15, 18, 19, 23, 25 — кофель-нагельные планки, 16 — паровой браншпиль, 17 — входной люк, 20 — вельсот, 21 — люк, 22 — штурвальное колесо, 24 — шлюпка-лячка, 26 — световой люк, 27 — машинный телеграф, 28 — нактоуз, 29 — помпа, 30 — барказ, 31 — паровая лебедка, 32 — судовой колокол, 33 — бокалы, 34 — бушприт, 35 — сом-утлегарь, 36 — фор-стенга, 37 — марс, 38, 42, 56 — азельгофт, 39 — фор-гафель, 40 — фор-рик, 41 — бизань-стенга, 43 — бизань-гафель, 44 — бизань-рик, 45 — юберс, 46 — вант-путенс, 47 — адмиралтейский якорь, 48 — вагер-бакштаг, 49 — вагер-штаг, 50 — мартин-рик, 51 — сом-клясель, 52 — клясель, 53 — фор-стаксель, 54 — трисель, 55 — бизань, 57 — утлегарь, 58 — мартин-бакштаг, 59 — сом-утлегарь-штаг, 60 — фор-стенга, 61 — фок-штаг, 62 — фор-стенга, 63 — клясель-леер, 64 — клясель-леер, 65 — фок-ванты, 66 — фордуны, 67 — бизань-штаг, 68 — крьюйс-стенга-штаг, 69 — бизань-ванты, 70 — сом-клясель-фал, 71 — стаксель-фал, 72 — клясель-фал, 73 — сом-клясель, 74 — дирик-фал, 75 — гафель-флагфал, 76 — утлегарь-бакштаг, 77 — сом-утлегарь-бакштаг, 78 — гафель-гардель, 79 — нок фор-гана, 80 — сом-клясель-и-стаксель-ни-палы.

Вид Г повернуто

сьев, дубовые киль, кильсон, форштевень, привальные бруссы, увеличенную против обычного толщину обшивки корпуса. «Фока» был оснащен к тому же крепким ледяным поясом, а в носовой части чуть ли не броней из 24 толстых дубовых брусьев. Большие трюмы вмещали запасы топлива, продовольствия и материалов даже для многолетней экспедиции, а в просторных кубрике и кают-компании мог с удобствами разместиться экипаж.

Вскоре из Петербурга начали поступать оборудование и провиант, однако комитет не торопился с высылкой заказанных консервов, аппаратуры для научных наблюдений, приборов. Седов надеялся выйти в море до 14 августа — отправиться позднее означало подвергнуть экспедицию риску зазимовать, не добравшись до Земли Франца-Иосифа. Много энергии затратил Седов на то, чтобы достать радиоаппаратуру — новомодное, но уже успевшее хорошо зарекомендовать себя снаряжение, обещавшее существенно уменьшить опасность плавания. Но когда громоздкие ящики «беспроволочного телеграфа» были уже погружены на «Фоку», Морское министерство аннулировало отпуск радисту, намеревавшемуся пойти с Седовым. Пришлось радиостанцию оставить на берегу...

Бесконечные проводочки портовых властей, связанные с оформлением ледового похода, вынудили перенести выход в море сначала на 21-е, а затем и на 27 августа.

Наконец настал долгожданный день. К двенадцати часам набережную заполнила толпа — жители Архангельска собрались на торжественные проводы первой российской экспедиции к Северному полюсу. Музыка, речи, молебны... И вот наконец «Фока» в открытом море.

Выход экспедиции из Архангельска с оставанием чуть ли не на полтора месяца от запланированной даты оказался для седовцев роковым. Коротко арктическое лето, и конец августа является, собственно, уже предзимьем. Буквально через несколько дней после проводов, когда «Фока» был в гортле Белого моря, разразился сильнейший шторм. Встречный ветер сносил судно назад, и мощности слабой паровой машины, сообщавшей шхуне четырехузловый ход, не хватало, чтобы про-

тивостоять свирепому натиску стихии.

К тому же открылась течь в трюме — вода стала угрожающе прибывать, подбираясь к топкам. Три дня трепало море «Фоку», однако дальнейший путь прошел при благоприятном ветре, и вновь шторм настиг его лишь у самой Новой Земли.

Оставив в поселке Ольгинском, что в Крестовой губе Новой Земли, письма и официальные донесения, шхуна взяла курс на север, к восточному берегу Земли Франца-Иосифа. Это было 12 сентября, на рассвете, а уже через день вахтенный обнаружил прямо по курсу плавающий лед...

Более двух недель пробивалась экспедиция на север. С каждой милей толщина и крепость льда увеличивались. И в этих условиях «Фока» показал себя с самой лучшей стороны — он исправно крошил панцирь океана массивным и крепким дубовым корпусом, прекрасно слушался руля, когда было необходимо идти по извилистым протокам, соединяющим полыньи.

Но, несмотря на все усилия команды и членов экспедиции, пришлось возвращаться к Новой Земле, где в начале октября «Фока» и вмерз в льды в небольшом заливе, названном путешественниками бухтой «Святого Фокки».

Динамичная натура Г. Я. Седова не могла вынести бездействия зимовки, и он, не дожидаясь конца полярной ночи, предпринял поход на Север, чтобы как можно точнее определить положение мыса Литке на Новой Земле, который отстоял от бухты «Святого Фокки» на 50 километров. И это был не единственный его поход для изучения близлежащих северных земель. «Подвести итог произведенной нами работе, — писал Седов, — тем более приятно, что в ней сделаны некоторые открытия — несогласия с существующими картами...»

Действительно, в дальнейшем ученые-географы утверждали, что если бы экспедиция Седова предпринималась исключительно для изучения Новой Земли, вряд ли она смогла сделать больше для науки за 11 месяцев ледового плена.

«Фока» освобожден от льда лишь 3 сентября 1913 года. И снова — курс на север, к мысу Флора Земли Франца-Иосифа. И опять перед шхуной рас-

стилаются ледяные поля, забираться в которые теперь уже смертельно рискованно, поскольку на судне почти не осталось топлива, а на одних парусах во льдах не походишь... Тем не менее — курс на север, к полюсу.

Поздно вечером 13 сентября «Святой мученик Фокка» бросает якорь в виду мыса Флора. Убедившись, что обещанный пароход с углем не прибыл, 17 сентября экспедиция отправляется дальше. Через двое суток Седов вводит шхуну в безымянную бухту острова Гукера и острожно ставит ее на грунт. Здесь, в бухте, названной Тихой, предстоит еще одна зимовка.

Она оказалась гораздо более трудной. Необходимо было экономить топливо, окончательно испортилась недоброкачественная солонина, угрожающе таяли запасы консервов. У людей появились признаки цинги. Тем не менее Седов, ослабленный, как и его соратники, готовится к походу на полюс. Спутники неоднократно пытались убедить его. Две тысячи верст в оба конца — ведь это не по силам и здорому!

2 февраля 1914 года полюсная экспедиция в составе Георгия Седова, матросов Александра Пустошного и Григория Линника выступила в поход. С ними было трое саней-нарт, 24 собаки и около 60 пудов провианта и вещей. Первые дни Седов чувствовал себя бодро, однако болезнь наступала, и на девятый день руководитель экспедиции уже не мог встать. Тем не менее на предложение вернуться он не согласился и в течение восьми дней двигался в нартах.

На семнадцатый день трое измученных путешественников почти достигли острова Рудольфа. Но Седов совершенно ослаб, и 20 февраля жизнь этого замечательного человека оборвалась... Похоронили Георгия Седова на южной оконечности острова Рудольфа, положив в могилу флаг с надписью на древке на английском языке «Sedov Pol. Exped. 1912».

18 марта Линник и Пустошный вернулись на «Фоку». В конце июля шхуна освободилась от льда и покинула бухту Тихую. А через месяц, спалив в толке все, что хоть как-то могло гореть, экспедиция вернулась в Архангельск...

И. СЕРГЕЕВ

**Местом зимовки экспедиции на Земле Франца-Иосифа
была выбрана бухта Тихая.**